

15.07.2010

Дружба народов

Мигранты в зоне кризиса

Саодат ОЛИМОВА, Музаффар ОЛИМОВ

версия для печати (74478)

« ‹ – › »

Олимова Саодат Кузиевна — философ, социолог, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН Республики Таджикистан.

Олимов Музаффар Абдуваккосович — историк, социолог, руководитель научно-исследовательского центра “ШАРК” (Таджикистан).

Оба автора публикуются в “ДН” впервые.

Человек на рынке труда

Трудовая миграция — одна из сфер, испытывающих наибольшее воздействие глобального финансового кризиса. В период экономического спада первыми теряют работу трудовые мигранты. По ним больно бьет остановка или сокращение деятельности в строительстве, промышленности, сфере услуг, розничной торговле и туризме, поскольку большинство мигрантов работает именно в этих секторах.

Вторичные последствия финансово-экономического кризиса также сильно затрагивают рынок труда, что соответственно сказывается и на иностранных работниках: компании и работодатели стремятся уменьшить расходы, для чего сокращают зарплаты, социальные выплаты, уменьшают затраты на охрану труда. Все это снижает доходы, ухудшает качество жизни и труда мигрантов, вызывает волну возвратной миграции.

Пытаясь справиться с последствиями кризиса, правительства принимают меры по защите национального рынка труда. Распространенные представления о том, что приезжие “отбирают работу” у местного населения, заставляют правительства принимающих стран ужесточать миграционную политику, так как это произошло в Италии, Испании, Великобритании. Россия наряду с Таиландом, Казахстаном, Малайзией, Южной Кореей также ввела протекционистские

меры. Эти же представления, транслированные СМИ, способствуют усилению дискриминации и ксенофобии, а также росту противоречий между принимающими и отправляющими странами.

Однако опыт предыдущих кризисов показал, что взаимосвязь между миграцией и кризисом далеко не так проста, как кажется. Экономические кризисы мирового и регионального уровня, такие как нефтяной кризис начала 1970-х годов, азиатский финансовый кризис 1998 года, показали, что трудовая миграция сохраняет свое значение и масштабы, независимо от кризиса. Более того, миграция помогает бороться с кризисными явлениями в экономике. Поскольку движение рабочей силы стимулирует экономическую активность и способствует созданию рабочих мест, то сохранение рынка труда открытым для мигрантов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона сыграло важную роль в преодолении экономического спада и стимулировало их быстрый экономический рост в посткризисный период.

Россия также пережила кризис 1998 года, однако масштабы миграции в тот период были меньшими, чем сейчас. Кроме того, мигранты из стран СНГ тогда еще не воспринимались как иностранцы, поэтому воздействие кризиса на миграцию представлялось сугубо внутренней проблемой. Иное дело — нынешний кризис, первый глобальный кризис мировой экономики и первый по-настоящему глубокий капиталистический кризис в постсоветских странах.

Современный кризис меняет наше представление о трудовой миграции и ставит новые вопросы. Почему, потеряв работу, некоторые мигранты уезжают, а некоторые остаются? Что “выталкивает” мигрантов из страны приема, а что их задерживает? Меняются ли в условиях кризиса стратегии миграции и возвращения? Что происходит с вернувшимися мигрантами на родине? Могут ли они “вписаться”, найти свое место в условиях кризиса? Как они влияют на жизнь родины, на ее развитие? Что происходит с мигрантами, которые, несмотря на кризис, вновь едут работать за границу?

На эти вопросы мы постараемся ответить на примере таджикских мигрантов, работающих в России, которую связывает с Таджикистаном мощные потоки трудовой миграции. Мы стремились описать ситуацию, запечатлев “текущий момент”, так как кризис пока не завершен, и осмысление его воздействия, в том числе и на трудовую миграцию, еще впереди. Проведенное нами год назад исследование было сфокусировано на четырех группах:

мигрантах, которые несмотря на кризис, остались в России;

тех, кто из-за кризиса принял решение вернуться на родину;

вернувшихся мигрантах, пытающихся найти свое место в Таджикистане;

людях, направляющихся на работу в Россию в период кризиса.

Мы опрашивали людей, возвращавшихся из России — Москвы, Екатеринбурга и Санкт-Петербурга, обследовали домохозяйства мигрантов в Душанбе, Вахдатском районе и Бохтарском районе Хатлонской области, проводили экспертный опрос специалистов, занимающихся проблемами миграции, а также использовали материалы и данные, собранные в ходе реализации проекта **МОТ** “Миграция и развитие” и проекта Азиатского банка развития (АБР) “Миграция и бедность”.

Надо сказать, что сам по себе отхожий промысел знаком таджикам издавна. История трудовой миграции на территориях, вошедших в современный Таджикистан, насчитывает несколько веков. Однако современная трудовая миграция — явление последних лет постсоветского развития. Наибольшее значение для ее развития имели гражданская война 1992—1997 годов и исключительно высокая социальная цена перехода к новому государственному строю.

Масштабы миграции в Таджикистане в наши дни беспрецедентны по размеру, социальному и экономическому воздействию на страну. Так, в 2008 году на заработки выехало не менее 800 тысяч человек. Это очень много для государства, население которого составляет 7 миллионов человек, половина из которых — дети и молодежь до восемнадцати лет. Каждая третья семья страны имеет, по крайней мере, одного члена, работающего за границей.

Несмотря на то что география миграционных потоков из Таджикистана охватывает целый ряд стран (Казахстан, Украина, Китай, ОАЭ, Афганистан, США), отходники — позволим себе употребить это старинное слово — направляются в основном в Российскую Федерацию. Сюда приезжают 97 процентов всех мигрантов. Подавляющая их часть работает в области строительства (около 75 процентов), в торговле, промышленности, сельском хозяйстве. Малая их доля занята в сфере коммунальных услуг, образования и др. При этом типы и сектора занятости мигрантов внутри страны и на выезде сильно различаются. Скажем, высококвалифицированные специалисты, учителя, бухгалтеры могут работать строительными рабочими, торговцами или дворниками...

В целом трудовая миграция из Таджикистана приспособлена к потребностям и условиям рынка труда Российской Федерации. Климатические условия объясняют сезонность труда в России, особенно характерную для строительства, добывающей промышленности, сельского хозяйства, розничной уличной торговли и общественного питания, т.е. тех секторов, где трудится большинство мигрантов из Таджикистана. Более двух третей мигрантов работает за границей сезонно, т.е. с февраля-марта по октябрь-ноябрь.

Формированию масштабной сезонной миграции способствуют как специфика условий жизни и работы в России, так и работа сезонников дома, в Таджикистане. Важными факторами являются также безвизовый режим, наличие развитой транспортной связи между Таджикистаном и Россией, низкий уровень заработной платы мигрантов в России, не позволяющий работникам привозить с собой семьи.

Трудно переоценить степень воздействия трудовой миграции на все стороны жизни Таджикистана. За короткий срок миграция стала структурной особенностью экономической и социальной жизни Таджикистана. Всего лишь за два года — с 2006 по 2008 год объем денежных средств, переводимых трудовыми мигрантами в Таджикистан, возрос с 1 до 2,6 миллиарда долларов. Согласно данным Национального банка Республики Таджикистан, объем денежных переводов в 2008 году составил 46 процентов ВВП страны.

Волна возвратной миграции

Итак, каким же образом глобальный кризис повлиял на трудовую миграцию в Таджикистане? Во-первых, стало колебаться число мигрантов. Зимой 2008/2009 годов пошла волна возвратной миграции. Изменился и состав людей, выезжающих в поисках работы, их социально-демографические характеристики. Появились новые стратегии миграции и возвращения. И наконец, сократился объем денежных переводов из России в Таджикистан.

Начальный этап воздействия кризиса на рынок труда в России (октябрь 2008 года) совпал с сезонным возвращением мигрантов из России на родину. По данным местных властей и транспортных предприятий, численность возвращавшихся осенью 2008 года сезонников была на треть меньшей, чем обычно. Дело в том, что многие сезонники не смогли собрать средства для возвращения домой из-за задержек и невыплаты зарплаты в России. Кроме того, часть людей предпочла остаться в России для того, чтобы наблюдать за развитием ситуации.

Сезонное возвращение мигрантов не закончилось в декабре, как обычно. Кризис вызвал волну возвратной миграции, которая последовала за периодом увольнений и сокращений персонала в России в декабре 2008 года. Возвратная миграция продолжалась вплоть до конца апреля 2009 года и на месяц задержала выезд сезонников в Россию. Они отслеживали ситуацию и отправились на заработки только в последних числах февраля 2009 года. Сезонный отъезд на работу растянулся на несколько месяцев — вплоть до июня. При этом число сезонников было чуть ли не наполовину меньше, чем годом раньше.

Вот один из примеров. Мы беседовали с руководителями джамоата Бахор Вахдатского района. По их данным, в джамоате насчитывается более 1500 человек, работающих в России. В последние годы направления выезда стали расширяться. Несколько десятков местных жителей работает в

Китае, Йемене, США и других странах... Осенью 2008 года начали, как обычно, возвращаться домой сезонные рабочие, но затем за ними последовали те, кто пострадал от кризиса, — их оказалось полторы сотни. Около пятидесяти человек были выдворены или депортированы с территории России. Все эти люди собирались оставаться на родине в ближайшие годы. Остальные мигранты жили в обычном режиме, т.е. продолжали находиться в странах приема либо, будучи сезонниками, готовились к выезду за рубеж...

Всего же, по нашей оценке, в 2009 году количество таджикских трудовых мигрантов в Российской Федерации сократилось на 150—160 тысяч человек.

Как кризис бьет по мигрантам

Опросы и интервью, проведенные в России и Таджикистане, показали, что кризис глубоко затронул мигрантов. Чуть менее 90 процентов всех опрошенных сообщили, что их жизнь изменилась.

Кризис воздействовал на все стороны жизни мигрантов. Наибольшие изменения претерпела заработная плата — об этом сообщила почти половина опрошенных. В меньшей степени кризис повлиял на занятость мигрантов — на увольнения и сокращения рабочего. Кроме того, в условиях кризиса трудовые мигранты стали значительно более уязвимыми к различным формам эксплуатации и злоупотреблений, чем местное население. Повысилась уязвимость мигрантов к торговле людьми, вымогательству, депортациям.

Что касается сокращения заработков, то, по результатам нашего опроса, наиболее часты задержка выплат, прямые сокращения зарплаты, отмена премиальных и бонусов, введение различных штрафов. Так, половина опрошенных нами строителей сообщили, что им задерживали зарплату от 2 до 5 месяцев. А более десятой части мигрантов считают, что им не выплатят заработанное, и квалифицируют поведение работодателей как обман.

“Зарплату не платят. Производство не остановилось, работает, но заработанное не отдают” (наладчик, 27 лет, Москва).

“Снизился размер заработка: если раньше платили по двадцать тысяч рублей, то теперь за эту же работу платят десять тысяч. Да еще штрафы высчитывают — за опоздание или еще за что. Это рассказывают ребята из больших молов типа “Ашан”” (экспедитор овощной базы, 39 лет, Москва).

Можно предположить, что большая часть работодателей, не выплатившая зарплату мигрантам, сознательно обманула их, сокращая убытки от кризиса за счет работников. С одной стороны, это было объективной необходимостью, приспособлением предприятий к сокращению деловой

активности, с другой стороны, некоторые работодатели старались снизить убытки от кризиса за счет обмана и ограбления иностранцев.

Согласно опросу, проведенному Министерством труда Республики Таджикистан в марте-апреле 2009 года, более 70 процентов вернувшихся на родину мигрантов покинули Россию из-за невыплаты и/или задержки зарплаты, которую они все же надеются получить. Однако немногие мигранты пытаются защитить свои права.

“Вернулись всей бригадой — уволили из-за остановки работы фирмы. Не выплатили зарплату за три месяца. Мы не стали ждать, сразу же уехали. Они обещали переслать по почте. Кормили “завтраками”, обещали заплатить за работу. Мало верится, что заплатят. Мы ни к кому не обращались за защитой наших прав, зачем? Все равно бесполезно. Много людей кидают, не платят зарплату, управу на них все равно не найдешь” (бригада сварщиков из шести человек работала в частной фирме. Екатеринбург).

По словам пресс-секретаря представительства МВД Республики Таджикистан по миграции в России Дильбар Ходжаевой, общая сумма невыплаты таджикским рабочим составляет свыше 30 миллионов российских рублей. Однако жалобы и обращения в Прокуратуру Российской Федерации нередко попросту не рассматриваются из-за отсутствия трудового договора между работником и работодателем.

Группа опрошенных строителей сообщила, что вместо зарплаты рабочим дают деньги “на пропитание” и предоставляют бесплатное жилье в виде бытовок или общежитий. Это объясняется тем, что ряд строительных фирм и отдельных подрядчиков, особенно те, кто планировали работать по государственным контрактам, весной 2009 года ждали результатов секвестра бюджета Российской Федерации, после чего надеялись начать работу. Они пытались сохранить квалифицированных работников, поэтому обеспечивали их бесплатным жильем и выплачивали так называемые “кормовые” в размере 5—6 тысяч российских рублей на человека в месяц. В результате большое количество строителей из Таджикистана не предпринимали никаких действий по защите своих прав, предпочитая ждать обещанного начала работы. В то же время наиболее квалифицированные работники, выяснив ситуацию, предпочли уехать на родину. Они считают, что ждать окончания кризиса в Таджикистане дешевле, чем в России.

Файзали, строитель, 31 год, среднее специальное образование, срок последней поездки — 6 месяцев, работал в Москве в “ДОН-Строе” вместе с двумя братьями и зятем. Им не выплатили зарплату за четыре месяца, но говорили, чтобы рабочие подождали восстановления строительства, и давали деньги на еду. Братья и зять уехали, оставив Файзали ждать выплаты зарплаты и следить за ситуацией. Дома в Яванском районе жена и пятеро детей живут на доходы

от огорода, есть молочная корова и козы, жена продает молоко и молочные продукты. Семье помогают отец и братья.

Тем не менее почти две трети мигрантов, решивших остаться в России, сообщили, что, несмотря на уменьшение доходов, их устраивают нынешние зарплаты. Значительная часть этой группы имеет высшее образование и принадлежит к возрастной группе старше 30 лет.

“Работаю в “Технокруге”, в России шесть лет. Фирма обеспечивает жильем, разрешением на работу. Зарплату чуть сократили — на 20 процентов, но заработок стабильный. У меня больших проблем нет” (наладчик, 38 лет, родом из Кумсангирского района Хатлонской области Таджикистана).

Только треть респондентов, оставшихся в России, отметили, что их не устраивают заработки.

Сильно ударили по мигрантам и массовые увольнения. Опрос показал, что начались они с конца октября 2008 года, однако их пик наблюдался в декабре 2008 года. В праздничном январе следующего года масштабы увольнений снизились и опять выросли через месяц, когда треть респондентов потеряла работу.

Даже если не принимать во внимание дискриминационный подход к работникам-мигрантам со стороны работодателей, проявляющийся при сокращении штатов, то иностранные работники сильнее, чем местные, страдают от кризиса. Особенно это сказывается в отраслях, наиболее остро реагирующих на изменения экономической конъюнктуры, — в строительстве, обрабатывающей промышленности и торговле.

Можно предположить, что адаптационные меры предприятий в России стали фактором, препятствующим образованию мощной волны возвратной миграции в посылающие страны, такие как Таджикистан. И все же здесь возникает множество вопросов, требующих глубокого изучения: насколько различаются стратегии предприятий по отношению к внутренней рабочей силе и к мигрантам? Какие меры предпринимаются по отношению к нелегальным работникам? Как ведут себя предприятия в теневом секторе экономики? И т.д.

“Мы не чувствуем себя свободными”

Российское миграционное законодательство прикрепляет работников к работодателям, делая первых полностью зависимыми от воли последних. “Мы не чувствуем себя свободными, мы зависим от хозяина. Без его ведома не можем выйти за пределы места, где работаем и живем. В любой момент нас могут схватить и депортировать. Если что случится, мы не можем сообщить ни органам власти России, ни Таджикистана, ни посольству Таджикистана в России, ни НПО. За

время работы мы видим только милиционеров и своего работодателя. Мы абсолютно бесправны” (пекарь-кондитер, 34 года, по образованию — врач-стоматолог, Москва).

Увольнения часто влекут за собой потерю жилья. Где же живут потерявшие работу мигранты? Согласно данным нашего опроса, после увольнения часть работников продолжала жить в общежитиях, строители жили на стройке, в бытовках, вагончиках, так как работодатели сохраняли за ними жилье в надежде на восстановление работы. Часть потерявших работу переселилась к друзьям, родственникам. Некоторые стали снимать менее комфортное жилье, например, койко-место в комнате с

7—10 постояльцами. Отмечены случаи, когда в одной комнате ютилось двадцать человек. Часть поселилась в нежилом фонде — гаражах, подвалах, сараях...

В период кризиса мигранты оказываются не только одной из социальных групп, наиболее подверженных экономическим рискам — падению доходов, потере работы, обнищанию. Для них также резко возрастают политические и административные риски, степень которых зависит от различных условий, в том числе от уровня коррупции, криминала, роста национализма и т.д.

Одна из самых острых проблем, с которыми сталкиваются мигранты, — резкое ухудшение отношений между ними и представителями правоохранительных органов. Это отметили 80 процентов тех, кого мы опрашивали. В России, так же как и в других принимающих странах, рост безработицы привел к восприятию мигрантов как конкурентов на рынке труда. Такой взгляд, не имеющий под собой реальной основы, способствовал введению мер по сокращению иностранной рабочей силы. В их число входит не только объявленное двукратное сокращение квоты на использование труда иностранцев, но и барьеры в регистрации мигрантов и выдаче разрешений на работу, многочисленные проверки, депортации, а также обвинения мигрантов в преступности, тиражируемые через СМИ.

Заметно возросли трудности и соответственно плата при оформлении регистрации и разрешения на работу, включающие различные неформальные выплаты. Наиболее трудно получить разрешение на работу. По мнению респондентов, “ФМС принципиально отказывает гражданам Таджикистана в разрешении на работу, поэтому разрешение можно сделать в основном через посредника за большие деньги” (водитель автобуса, 37 лет, Одинцово). По информации из ФМС России, гражданам Таджикистана рекомендовано предоставлять разрешение на работу на срок до трех месяцев, а не на один год, как мигрантам из других стран. Соответственно возросли ставки неформальных платежей посредникам, расширилась их сеть.

Резко выросли и размеры неформальных платежей, которые мигранты выплачивают работникам правоохранительных органов за легализацию и нахождение на территории России — это отметили

около 40 процентов опрошенных. Интервью показали, что суммы, которые приходится передавать сотрудникам ФМС, участковым инспекторам МВД и другим представителям правоохранительных органов Российской Федерации, увеличились почти на порядок (до 7—10 раз) по сравнению с прежними, докризисными.

Заметно выросли ставки неформальных платежей “с головы мигранта” участковым, линейным милиционерам и ФМС при облавах. Причем статус тех, кто вынужден откупаться, значения не имеет. Не важно, прибыл ли человек в страну легально или же проник нелегально — все платят одинаково.

“С начала кризиса ФМС стала жестче относиться: грабят, накрывают квартиру или место работы, окружают и требуют деньги; заходят в квартиру, не важно, есть у нас разрешение на работу и документы или нет, требуют “долю”, забирают деньги и уходят. Ставки ФМС возросли. То же делают и участковые” (дворник, 26 лет, среднее специальное образование, Москва).

В Москве и ряде регионов действует “горячая линия”, по которой местные жители могут вызвать работников ФМС и инициировать проверку документов в жилищах иностранных граждан.

Увеличение стоимости правового обеспечения миграции (штрафы, систематические отчисления ФМС, участковым, стоимость периодических выездов за границу для легализации пребывания или плата за легализацию посредникам) существенно сокращает доходы мигрантов. Чтобы уменьшить издержки, они перестают легализоваться. Но если и это не помогает, миграция становится экономически невыгодной, и мигранты возвращаются домой.

В 2009 году возросло число мигрантов, депортируемых из России в Таджикистан. Так, по словам начальника УФМС г. Москвы, количество выдворенных из России мигрантов за незаконное пребывание и другие правонарушения в Москве увеличилось в 2,5 раза. При этом наблюдается связь между доходами мигрантов и перспективой депортации. Как правило, депортируют тех, у кого нет средств, чтобы зарегистрироваться и получить разрешение на работу, а также нет наличных денег, чтобы откупиться в период задержания.

“В депортации попадают те, у кого денег нет. У них не хватило денег на легализацию, вот их и поймали, а если поймали, и денег не хватило откупиться, то депортируют. Друг рассказал, что его поймали, потребовали десять тысяч рублей, он заплатил, и его отпустили” (водитель, 36 лет, среднее образование, Одинцово).

В организации миграции заметно увеличилось число посредников, соответственно и число мошенников. В то же время посредники не объединены в крупные организованные преступные группировки, а представляют собой мелкие разрозненные группы. Таджикские посредники часто

связаны с организациями диаспоры. Легализацию мигрантов осуществляют российские посреднические фирмы, редко связанные с таджикскими посредниками.

Характерная черта таджикской трудовой миграции — мигранты не жалуются и не ищут защиты у государственных органов.

Изучая социальное самочувствие мигрантов в период кризиса, мы обнаружили, что среди них растет отчуждение и фрустрация. Отчасти это связано с общим ухудшением социального климата. Более важно то, что положение мигрантов сделалось более уязвимым, а ксенофобия и дискриминация по отношению к ним возрастает. 80 процентов опрошенных мигрантов отметили, что к ним ухудшилось отношение милиции и ФМС, 60 процентов считают, что ухудшилось отношение к ним работодателей, а около четверти говорят о том, что у них ухудшились отношения с коллегами по работе.

Респонденты включили в “ухудшение” задержку и сокращение зарплат, увеличение числа и размеров штрафов (за опоздание, прогул, мелкие нарушения и т.д.), сокращение социальных льгот. Также был отмечен рост оскорблений и усиление ксенофобии.

Ситуация, в которой оказались таджикские работники в России, эхом сказалась на их семьях, оставшихся на родине и на Таджикистане в целом из-за существенного сокращения переводов из-за рубежа. Согласно информации Национального банка Республики Таджикистан, в целом за 2009 год объем денежных переводов в страну по сравнению с 2008 годом сократился на треть, составив 1833,9 миллиона долларов США.

Треть мигрантов продолжали переводить тот же объем денег, что и раньше, 40 процентов сократили размеры переводов, 20 процентов вообще не посылали деньги и только 5 процентов мигрантов увеличили размеры переводов.

Благосостояние домохозяйств, в которых члены-мигранты потеряли работу, за время кризиса существенно ухудшилось. Только треть уволенных мигрантов посылала переводы из случайных заработков своим семьям в период поиска работы. Половина домохозяйств в этот период расходовала средства и продукты, произведенные в своем хозяйстве, а также накопленные сбережения. Часть жила на собственные источники доходов: зарплату членов семьи — жены, брата, родителей, продажу произведенной сельхозпродукции, предоставление услуг (шитье, уборка) и т.д. Около пятой части тех, с кем мы беседовали, сообщили, что их семьи на родине совершенно обнищали.

Стратегии ответа на кризис

В ответ на изменения, вызванные воздействием кризиса, мигранты стараются адаптироваться к новой ситуации в стране приема. Только незначительная часть опрошенных мигрантов сразу же после потери работы решила вернуться домой. Остальные, оставшись в России, использовали несколько стратегий: около половины нашли другую работу после увольнения, четверть — взяли деньги в долг, чтобы переждать тяжелые времена, около 16 процентов наших информантов продолжали работу на новых условиях. Некоторые ждали выплаты зарплаты и в целом улучшения ситуации, а 1,5 процента отправились в поисках работы в другие регионы России.

Разумеется, наши данные о соотношении использования мигрантами тех или иных стратегий достаточно условны, так как мы опрашивали тех, кто вернулся на родину. Тем не менее можно выделить наиболее распространенные стратегии ответа на кризис.

Одна из них — продолжение работы в новых условиях. В этом случае у человека, избравшего такую стратегию, доходы существенно уменьшаются в результате сокращения зарплаты, штрафов, увеличения платежей сотрудникам российских правоохранительных органов. Как правило, мигранты минимизируют собственное потребление, а также уменьшают суммы переводов.

Для части мигрантов, особенно для тех, кому сократили зарплату, и тех, кто после потери работы перешел на менее оплачиваемые рабочие места, затраты превысили доходы от миграции и сделали ее невыгодной. Даже максимальное сокращение личного потребления, в том числе отказ от найма жилья и переход в будки, сараи либо временные лагеря в лесу, не спасло положение, в результате люди вынуждены возвращаться.

Доходы мигрантов и вероятность их возвращения на родину тесно между собой связаны. Люди, имеющие определенные сбережения, располагают возможностью вернуться домой. Те, у кого вообще нет никаких денежных средств, с большей вероятностью останутся в России, даже потеряв работу. Как правило, они снижают требования к рабочему месту, соглашаются на менее оплачиваемые занятия с худшими условиями труда. В случае неудачи они перебиваются на рынках случайными заработками и снижают личное потребление до минимума. Часть из них, накопив деньги на обратный билет, уезжает, часть остается и по-прежнему ведет скучное существование. Если это возможно, они продолжают переводить деньги на родину, но в значительно меньшем размере.

Опрос также показал наметившуюся тенденцию возвращения предпринимателей и перевод ими части своего бизнеса в Таджикистан. “Торговцы и люди из общепита также возвращаются — торговли нет, снизились прибыли, кур гриль не покупают, нерентабелен гриль” (повар, 27 лет, среднее образование, Одинцово).

Согласно ответам мигрантов, эта тенденция обозначилась с конца 2007 года и заметно усилилась в 2008—2009 годах. Возвращение бизнесменов прекратилось в конце 2009 года в связи со сбором средств на строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане. Предприниматели, которых “добровольно-принудительно” заставляют покупать акции строящейся ГЭС, начали возвращаться в Россию либо искать возможности эмиграции в другие страны.

После потери работы почти две трети таджикских мигрантов пытались найти другую, а более трети вернулись на родину. Эти данные подтверждаются материалами опроса вернувшихся мигрантов, проведенного Минтрудом Республики Таджикистан.

Как правило, мигранты ищут работу в своей профессиональной сфере, постепенно снижая требования к условиям труда и заработной плате. Большинство ограничивается поисками в том городе, в котором находится. Наибольшее количество потерявших работу — в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Ситуация почти не изменилась в небольших городах и селах европейской части России, Поволжья (Самара, Саратов, Волгоград и др.), Южном федеральном округе, Сибири, Дальнем Востоке. Поэтому в 2009 году мигрантские сообщества активно собирали информацию о возможном трудоустройстве, высылали разведчиков, которые искали новые территории приема.

Поиск осуществлялся в основном через сети — через друзей, родственников и знакомых. Мигранты активно перезваниваются, выясняя возможности для трудоустройства в других регионах. К объявлениям в СМИ обращалась четвертая часть респондентов, к Интернету — почти десятая часть. Период времени поиска работы или ожидания для таджикских мигрантов довольно короток, что связано с ограниченностью их финансовых ресурсов: чаще всего человек ищет в течение одного месяца и, если не находит, возвращается домой. У трети опрошенных нами критический срок поиска продлевался до двух месяцев, а еще у трети — даже и более.

Не нашли для себя никакой работы лишь около 30 процентов респондентов. Остальные либо трудоустроились, либо отказались от места по двум причинам — из-за неудовлетворительных условий и оплаты труда или требования иметь гражданство Российской Федерации для занятия вакансии.

По мере поиска работы мигранты снижают требования к условиям труда и к зарплате. В крайнем случае они идут на рынки, в большие торговые центры (например, “Ашан”), строители — на строительные рынки и там занимаются случайными заработками либо временно устраиваются грузчиками, носильщиками, упаковщиками...

Потерявший работу мигрант — высококвалифицированный строитель средних лет с высшим образованием отказался от найма квартиры, перешел на строительный рынок, там собирает

пластиковые бутылки, заполняет водопроводной водой и продает торговцам. Зарабатывает до 700—800 долларов в месяц. Живет на помойке за рынком, спит в картонных упаковках. Продолжает переводить семье деньги.

Случайными заработками в торговых центрах, на рынках занимаются мигранты самых разных профессий. Это проверенный способ заработать на билет домой. В случае если по каким-то причинам человек не может заработать денег на возвращение, он занимает их у родственников, сохранивших работу. В ряде случаев мигранты получали деньги на обратный билет из дома.

Только после того, как испробованные стратегии оказались безуспешными, а сбережения и ресурсы, в том числе кредиты, помощь родственников и знакомых, исчерпаны, мигранты решают вернуться на родину.

Следует сказать, что трудоустройство мигрантов затрудняет не столько отсутствие рабочих мест, сколько изменившееся отношение к иностранным работникам, рост ксенофобии, протекционистские меры России по защите рынка труда. Это естественным образом вызывает у мигрантов желание получить российское гражданство, оставаясь сезонниками или временными мигрантами. Вместе с тем заметно возросло число тех, кто хотел бы переехать вместе с семьей в Россию на постоянное жительство.

“Возвращенцы” и остающиеся

Таким образом, на положение трудовых мигрантов влияет не столько кризис, сколько вызванные им перечисленные выше факторы— протекционистские меры по защите рынка труда, стремление работодателей сократить убытки за счет работников, резкий рост незаконных поборов, рост ксенофобии и пр., — что делает миграцию экономически невыгодной и опасной для жизни. Поэтому наиболее обеспеченные мигранты предпочитают вернуться на родину и переждать несколько лет, сократив расходы. Более бедные остаются в России, соглашаясь на худшие условия труда и жизни, меньшую зарплату. Самые активные меняют регион вселения, либо ищут возможности трудоустройства в других странах (США, ЕС, ОАЭ, Китай и пр.), учатся новым профессиям, более востребованным на российском рынке труда.

Мы задались вопросом, отличаются ли по социально-демографическим характеристикам, занятости, стратегиям миграции люди, которые в ходе кризиса приняли решение остаться в России, и те, кто решил вернуться в Таджикистан? Действительно, оказалось, что остаются мигранты старших возрастов, с более высоким уровнем образования, квалификации, с относительно высокими зарплатами и со стажем мигрантской жизни. В то же время среди возвращающихся повышена доля молодых людей с низким уровнем образования или с довольно высоким уровнем образования, но без стажа работы. Это говорит о том, что в ходе кризиса

отсеивается категория неуспешных мигрантов, прежде всего малоквалифицированная молодежь в возрасте до 24 лет.

Тем не менее перспектива остаться в России зависит не от уровня зарплаты, а от способности и возможностей мигрантов сохранить старую или найти другую работу. Немаловажное значение имеет предприимчивость, активность, способность рисковать, переквалифицироваться и/или переехать в поисках работы. Еще более важным является терпение и непритязательность, готовность примириться с трудностями, сокращением зарплаты, ухудшением условий работы и жизни. Так, 60 процентов оставшихся в России мигрантов сообщили, что согласны работать за меньшую плату, тогда как среди вернувшихся в Таджикистан мигрантов таких было в два раза меньше. Большее значение имеет также культурная ориентация на Россию (“вера в Россию”) и стремление связать свою жизнь с Россией. Две трети респондентов, оставшихся в России, заявили, что хотели бы получить российское гражданство. Что касается миграционных планов, то только одна треть планирует вернуться на родину, половина опрошенных не собирается возвращаться, и еще 10 процентов заявили, что вернутся, если заработают большие деньги или когда улучшится ситуация в Таджикистане.

Таким образом, самая заметная разница между “возвращенцами” и остающимися в России мигрантами — в стратегиях миграции и возвращения. Обе группы использовали одинаковые каналы в поиске работы — это друзья и родственники, в меньшей степени — газеты и самостоятельный поиск. Остающиеся в России мигранты заметно активнее в поиске работы: 60 процентов согласны на более низкую зарплату, а среди “возвращенцев” таких заметно меньше — 40 процентов. 20 процентов остающихся мигрантов согласны в поисках работы переехать в другие регионы России, а среди вернувшихся мигрантов таких только 5 процентов.

Остающиеся мигранты активно учатся и переучиваются — в ходе адаптации к кризису свыше одной трети остающихся мигрантов поменяли сферу занятости, почти столько же за время миграции повысили свою квалификацию.

В случае дальнейшего ухудшения ситуации в России более половины оставшихся мигрантов сообщили, что останутся в России, несмотря ни на что. Эта группа нацелена на получение гражданства РФ, переезд семьи и обустройство в России.

Вместе с тем выяснилось, что и возвращение на родину сопряжено с трудностями. Проблема возвращения мигрантов широко обсуждалась в Таджикистане зимой 2008—2009 годов, так как предполагалось, что в ходе развития кризиса сотни тысяч трудовых мигрантов вернутся домой, что резко ухудшит экономическую и социальную ситуацию в стране. Одной из антикризисных мер, связанных с такого рода опасениями, стала разработка мер правительства Таджикистана по

обеспечению возвратившихся работой. По данным Министерства труда Таджикистана, в 2009 году были созданы 150 тысяч рабочих мест.

Однако в действительности волна возвратной миграции в странах Центральной Азии, в том числе в Таджикистане, оказалась краткосрочной и относительно небольшой. Тем не менее в отличие от Китая, Индии, Мексики, Филиппин, Ливана, Иордании и других посылающих стран Таджикистан столкнулся с возвратной миграцией впервые, и это был первый опыт такой миграции в регионе.

В потоке вернувшихся в ходе кризиса мигрантов выделяются две большие группы. Почти пятую часть потока составляет молодежь 18—26 лет, впервые поехавшая на заработки. Это говорит о том, что во время кризиса отсеивается категория неуспешных мигрантов, среди которых преобладают молодые малоквалифицированные работники без знания русского языка и без опыта миграции. Многие из них работали без разрешения, то есть были недокументированными работниками.

Вторая группа “возвращенцев” — это высококвалифицированные мигранты, потерявшие высокооплачиваемую работу и решившие вернуться в Таджикистан, чтобы отдохнуть и переждать кризис.

Среди опрошенных нами мигрантов была бригада сварщиков самой высокой квалификации — шесть человек с высшим образованием в возрасте 29—42 лет. Они легально работали в России более девяти лет и потеряли работу в результате банкротства фирмы. Бригада ждала в России выплаты зарплаты, не устраиваясь на другую работу. Вернулись спустя три месяца после прекращения работы, так и не получив заработанные деньги. В Таджикистане они собираются отдыхать, так как за все эти годы ни разу не использовали отпуск. Аналогична ситуация с бригадой из семнадцати строителей-отделочников высоких разрядов. Они получили расчет после двухмесячного ожидания. Фирма, в которой они трудились, прекратила строительство и с задержкой, но полностью рассчиталась с рабочими, предупредив, что через полгода они смогут вновь приступить к работе.

Респонденты отметили, что многие работодатели дорожат квалифицированными специалистами и стараются сохранить работников даже в условиях кризиса. Они поддерживают с ними связь и после их отъезда на родину, рассчитывая пригласить ценные кадры на работу, как только начнется восстановление производства.

Средний заработок мигрантов в России составлял 400—600 долларов США, хотя мы встречали людей, которые зарабатывали от 1500 до 2500 долларов ежемесячно, но их доля незначительна. Обычно это высококлассные специалисты.

Планы на жизнь в Таджикистане

Опрошенные в душанбинском аэропорту мигранты рассматривали свое возвращение как временную передышку и не собирались реинтегрироваться на родине. Согласно результатам опроса треть из них планируют оставаться в Таджикистане “по ситуации” — то есть намерены уехать, как только ситуация на российском рынке труда улучшится; чуть более 20 процентов пока еще не приняли определенного решения; примерно столько же собираются дождаться конца кризиса на родине; некоторые предполагают остаться дома, пока не кончатся деньги. “Буду жить в Таджикистане, пока жена не выгонит. Потом поеду опять в Россию” (водитель, 24 года, вернулся из Екатеринбурга, родом из Бохтарского района).

Только 9 процентов сообщили, что решили остаться в Таджикистане навсегда.

Согласно интервью, средняя сумма доходов, которую мигранты должны получать, чтобы не ехать на зарубежные заработки, — 500 долларов (на семью из четырех человек).

Половина мигрантов планирует искать работу на родине, треть предпочитают отдохнуть в период кризиса и с его окончанием опять отправиться на заработки. “Возвращаемся бригадой. Работу не искали. Сразу же, как нам сказали об увольнении, взяли билеты в Душанбе и поехали. Работу дома также искать не собираемся. Будем ждать, так как хозяева сказали, что через три месяца вызовут, работа будет” (бригада отделочников, вернулись из Екатеринбурга).

Малая часть вернувшихся намерены использовать период вынужденного простоя, чтобы заняться устройством семьи — сватовством и женитьбой. Только 5,6 процента планируют начать свое дело, и уж совсем немногие собираются переждать кризис, занимаясь семейным сельским хозяйством. “Сейчас возвращаюсь почти без денег — не собрал. То, что заработал, пересылал родителям, они купили на мои сбережения 6 соток земли за 2500 долларов. Буду заниматься хозяйством — участком, скотиной, коровами, баранами. Когда кризис кончится, опять поеду в Россию” (охранник в частном охранном бюро, 26 лет, среднее специальное образование, вернулся из Санкт-Петербурга).

Большинство тех, кто хочет искать работу на родине, собираются устраиваться через родственников, знакомых и друзей. Четверть опрошенных уверены, что в Таджикистане работы нет. Эти мигранты собираются искать работу, но в случае неуспеха займутся семейным сельским хозяйством или будут ждать улучшения ситуации в России.

О своем деле задумывается почти треть опрошенных, однако все эти люди рассматривают перспективы собственного бизнеса с большим скептицизмом (“если найду деньги”, “если кризис позволит”).

Помощь в осуществлении своих планов подавляющее большинство вернувшихся мигрантов рассчитывает получить от семьи, родственников и друзей. Надеются только на себя около 10 процентов. Добыть средства у ростовщиков предполагают

4 процента, а кредит в банке — 2 процента. В Центр занятости намерен обратиться только один мигрант.

Вернувшиеся мигранты не собираются менять свой образ жизни. Только 9 процентов респондентов сообщили, что больше не поедут на зарубежные заработки. Все остальные планируют вернуться в Россию. Треть хотела бы сменить гражданство и переехать вместе с семьями в Россию на постоянное место жительства. Основной мотив — наличие работы в России и ее отсутствие в Таджикистане.

Среди той части мигрантов, что приняли твердое решение сохранить гражданство Таджикистана и не переезжать в Россию, выделяются две группы. Это немолодые мигранты, которые планируют прекратить работу на выезде, и молодежь с низким уровнем квалификации.

Интервью показали, что мигранты со стажем не хотят оставаться в России и перевозить семьи из-за низких доходов, неразвитого рынка жилья, дискриминации и отсутствия социального страхования. Они отмечают, что для переезда с семьей необходимы значительно более высокие зарплаты, чем у них, поскольку придется покупать жилье и содержать семью, в которой чаще всего есть несовершеннолетние дети. Кроме того, в России мигранты — городские строители и наемные работники — не смогут вести семейное сельское хозяйство, которое является важным источником доходов мигрантских домохозяйств. Большое значение имеет недоступность социального страхования. Мигранты, которые не надеются на пенсию, уверены, что на родине при наступлении старости или в случае потери трудоспособности их поддержат семья и родственники.

Реинтеграция

Что же происходит с теми, кто из-за кризиса вернулись домой, прожили на родине месяц-другой и решили остаться в Таджикистане на длительное время, а, возможно, навсегда? Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели собственные исследования, дающие возможность определить стратегии реинтеграции “возвращенцев”, а также использовали данные опросов, проведенных Министерством труда и занятости населения РТ. Все эти материалы показали, что всех реинтегрирующихся можно условно разделить на три группы — успешные, неуспешные и отдыхающие.

Успешные становятся самозанятыми, заводят свое дело (чаще всего получают патент) или бизнес. Как правило, это немолодые мигранты (старше 40 лет), которые решили прекратить работу на

выезде по возрасту, из-за необходимости восстановить контроль над взрослеющими детьми или из-за потери трудоспособности. Обычно у них есть недвижимость, сбережения, скот, земля.

Неуспешные не находят работу и, потратив свои сбережения, опять собираются ехать за рубеж, заранее смирившись с любой работой и любыми самыми низкими заработками, в худшем случае надеясь выжить самому.

Отдыхающие — высококвалифицированные мигранты, имеющие сбережения и активы. Они переживают кризис на родине, где ниже стоимость жизни. Как правило, они отдыхают, лечатся, занимаются строительством или ремонтом своих домов, семейными делами, эпизодически — временной работой.

Заметную группу составляют незанятые — это преимущественно безработная молодежь. Их работа в России стала экономически невыгодной, сбережений нет, приобретен негативный опыт миграции. Но и в Таджикистане они не могут найти устраивающую их работу. Они оседают в своих домохозяйствах, перебиваясь эпизодической работой и становясь бременем для родных.

На момент обследования домохозяйств почти 15 процентов вернувшихся мигрантов уже устроились на работу. Остальные пока ищут работу, работают на семейном участке земли, ждут и наблюдают. Мигранты неохотно устраиваются на работу, предпочитая бизнес или семейное сельское хозяйство. Такие предпочтения объясняются тем, что три четверти мигрантов из Таджикистана — сельские жители. Среди вернувшихся мигрантов, которые уже начали работать в Таджикистане, выделяются три большие группы: члены фермерских хозяйств, владельцы собственного бизнеса, открытого на мигрантские сбережения, и наемные работники на предприятиях и в организациях.

Большинство мигрантов сообщили, что предпочли бы заняться фермерством, если бы государство предоставило им участок земли.

В целом уровень благосостояния домохозяйств вернувшихся мигрантов значительно выше, чем населения в целом. Несмотря на это, все “возвращенцы” в 2009 году сократили потребление и пытались сохранить сбережения, предполагая, что тяжелый период затянется надолго. Сберегают в основном в валюте, вкладывают в землю и скот, пытаются создать запасы продовольствия.

Реинтеграция “возвращенцев” в Таджикистане протекает довольно тяжело. Опыт миграции оказывает на этот процесс противоречивое и неоднозначное воздействие. С одной стороны, если до выезда из страны мигрант уже работал, то миграция прерывает его карьерный рост. Ситуацию ухудшает то, что мигранты за рубежом редко работают по специальности и, как правило, теряют навыки в профессии по диплому. Кроме того, “возвращенцы” за время отсутствия теряют

имевшийся и не накапливают новый социальный капитал — полезные знакомства, нужные связи, общие ценности, знание “правил игры”, которые помогли бы занять достойное место в социуме на родине, в том числе найти подходящую работу.

С другой стороны, мигранты получают за рубежом профессиональный и жизненный опыт, что улучшает их позиции в конкуренции за рабочие места. В настоящее время реинтеграция недавних мигрантов отягощена воздействием кризиса на экономику Таджикистана — растет безработица, падает совокупный спрос, сокращается товарооборот, соответственно страдает малый и средний бизнес. Останавливается строительство, закрываются предприятия. Тем не менее опыт миграции до некоторой степени улучшает позиции “возвращенцев” на рынке труда. Так, около 40 процентов респондентов сообщили, что после миграции им стало легче найти хорошо оплачиваемую работу. Однако для почти такого же количества вернувшихся домой ничего не изменилось, а чуть менее 20 процентов сообщили, что после возвращения им стало труднее найти хорошо оплачиваемую работу.

Анализ ответов тех, кто сообщил, что после возвращения им стало труднее найти хорошо оплачиваемую работу, показывает, что вернувшиеся мигранты сталкиваются с тем же набором проблем, с которым они имели дело до выезда за

рубеж, — с безработицей и низким уровнем зарплат. Кроме того, среди них есть люди с пошатнувшимся здоровьем и старшего возраста.

Что же до успешных “возвращенцев”, то их отличает весьма высокая бизнес-активность. Свыше 40 процентов опрошенных вернувшихся мигрантов инвестировали средства в создание или развитие бизнеса или предпринимательской деятельности. При этом пятая их часть уже имеет собственное дело. Чаще всего это торговля, услуги и сельхозпроизводство.

Часть мигрантов, имевших бизнес в России, — в основном жители Душанбе и Согдийской области — перевели свой бизнес в Таджикистан. Они продают машины, недвижимость, иное имущество в России и открывают несколько мелких торговых точек розничной торговли, столовые, гриль, парикмахерские в Таджикистане. Вернувшиеся мигранты покупают микроавтобусы, “газель”, грузовики и занимаются перевозками.

Развивая бизнес, “возвращенцы” создают определенное количество рабочих мест, но меньшее, чем могло бы быть, так как их бизнес имеет преимущественно мелкий и мельчайший характер. Среднее число наемных работников на предприятиях, принадлежащих вернувшимся мигрантам, — 2,7 человека.

Бизнес “возвращенцев” несет на себе отпечаток трудовой миграции, которая в Таджикистане имеет ярко выраженный семейный характер. Чаще всего бывшие мигранты заводят свое дело при участии и поддержке семьи и родственников.

Все это в определенной степени способствуют технологическому развитию в Таджикистане, но это влияние не очень значительно. Часто мигранты не могут использовать свой опыт и знания из-за технологической отсталости производств. Передача опыта бывших мигрантов осуществляется только там, где это возможно, — прежде всего в сфере малого бизнеса.

Кроме того, мигранты привозят инструменты, станки и линии невысокой стоимости, так как, во-первых, они сами не имеют средств для крупных инвестиционных проектов и не имеют возможности привлечь инвестиции; во-вторых, бизнес-среда в Таджикистане неблагоприятна, и преодолеть все препятствия при реализации сколько-нибудь значительного бизнес-проекта можно лишь при наличии “крыши”. Но, как правило, именно это составляет главную трудность для мигрантов. Исследования показывают, что на заработки уезжают люди, не имеющие доступа к ресурсам и власти, а также социальных контактов, помогающих включиться в местное бизнес-сообщество.

Мигранты не оказывают большого влияния на те области, где необходимы модернизация или большие инвестиции. Более того, те компании, которые не нуждаются в технологических или организационных нововведениях, отказываются от использования опыта недавних мигрантов. Таким образом, дополнительная квалификация и опыт вернувшихся мигрантов не используются в полной мере.

Вернувшиеся мигранты не оказывают существенного влияния на социальную интеграцию и развитие местных сообществ. Более того, они находятся как бы на обочине общинной жизни. Чаще всего они участвуют в хашарах — добровольных неоплачиваемых общественных работах и в ритуально-обрядовых мероприятиях. Около четверти бывших мигрантов вносит средства на благоустройство своей общины. Столько же участвует в деятельности традиционных мужских объединений, своеобразных мужских клубах “гаштак” или “гап”. Часто бывшие мигранты создают свои отдельные “мигрантские” гаштаки. Каждый десятый вообще не участвует в общественной жизни своей общины. Трудности вхождения мигрантов в общину после возвращения во многом связаны с маргинальным социальным статусом “возвращенцев”. За годы работы за рубежом многие мигранты теряют социальный статус и не могут найти определенное место в своей общине после возвращения. Кроме того, домохозяйства мигрантов связаны с соседями и ближайшими родственниками почти так же, как с мигрантскими сетями и мигрантскими сообществами в странах приема.

Что касается местных властей, то мигранты относятся к ним настороженно и не доверяют им. Местные власти, в свою очередь, недолюбливают мигрантов и рассматривают их в качестве источника денежных взносов на благоустройство.

Если в большинстве домохозяйств села есть мигранты, то образуется мигрантская община, охватывающая весь кишлак. В таком случае возвращенцы достаточно активно участвуют в общественной жизни своей общины. В местах, где мигрантских домохозяйств мало, вернувшиеся мигранты почти не участвуют в социальной жизни своей общины.

Интересные изменения происходят в сфере гендерных взаимоотношений. Наши исследования показали, что в домохозяйствах вернувшихся мигрантов женщины играют более важную роль, чем в домохозяйствах без мигрантов. В то же время многие респонденты указали на множественные семейные конфликты, возникающие после возвращения мигранта, когда вернувшийся муж сталкивается с возросшим влиянием жены в семье и ее нежеланием снова полностью зависеть от мужа. Традиционный взгляд на гендерные роли мужчин-«возвращенцев» конфликтует с увеличившейся активностью женщин — жен мигрантов.

Ключевые стратегии «кризисной» миграции

В ходе исследования мы задались вопросом, какова нынешняя таджикская миграция в Россию, каковы ее социально-демографические характеристики, предпочтения, ценности и стратегии. Среди опрошенных мигрантов преобладают те, кто едет «по звонку» на известное им место работы, — их свыше 60 процентов. В эту группу входят квалифицированные работники на производстве, строительстве, в торговле, общепите, транспорте, услугах, ЖКХ. Две трети — люди старше тридцати лет, со стажем мигрантской жизни 2—9 лет, с хорошим знанием русского языка. Здесь и отпускники, которые возвращаются на постоянное рабочее место, и работники, которых работодатели вызвали на определенную работу. Мы встретили бригадиров, которые едут к знакомым работодателям. Они не берут с собой членов своей бригады, рассчитывая осмотреться на месте и затем решить, стоит ли вызывать их на работу. Были и «самозанятые», например, таксист в Москве с собственным транспортом и лицензией на оказание транспортных услуг.

Более трети мигрантов, направляющихся на заработки, едут без предварительной договоренности. Они согласны на любую работу с любой оплатой и любые условия жизни, рассчитывая переждать кризис в России и с улучшением ситуации устроиться на более подходящее место. Половина из них готова заниматься чем угодно вне зависимости от размера оплаты и условий труда. Мы назвали их «отчаявшимися», то есть людьми, которых гонит крайняя нужда. Это, как правило, члены мигрантских домохозяйств, пострадавших от кризиса. Если переводы являются основным источником доходов семьи, то сокращение доходов от миграции,

особенно если в течение зимних месяцев семья истратила накопленные сбережения, ставит хозяйства на грань разорения и вынуждает мигрантов ехать на заработки в неизвестность, не заручившись уговором с каким-либо работодателем. Небольшое число мигрантов — это молодые малоквалифицированные мигранты с низким уровнем доходов, которых родные отправили к отцам и братьям в расчете на то, что они заработают хотя бы на еду.

Заметно изменились стратегии. Только половина мигрантов, опрошенных нами в зале вылета Душанбинского аэропорта, по-прежнему собираются работать сезонно. Остальные планируют находиться в России более длительные сроки: от одного, полутора, двух лет до “навсегда”. 96 процентов респондентов сообщили, что если будет совсем плохо (если они не найдут или потеряют работу), то все равно будут искать работу в России и только четыре процента сказали, что в случае неуспеха вернутся на родину. “Там, в России, я всегда хлеб найду, больше, меньше — неважно. А здесь нет ничего” (плотник, 46 лет, Раштский район).

Планы на будущую занятость показали, что мигранты достаточно мобильны и быстро приспосабливаются к изменяющимся требованиям рынка труда как родины, так и страны приема. В ходе опроса мы расспрашивали мигрантов, направлявшихся в Россию, об их занятии в предыдущую миграцию, работе на родине и о том, чем они предполагают заняться. Опрос показал, что переквалификация, овладение несколькими профессиями является одной из ключевых стратегий “кризисной” миграции. Поэтому отъезжающие мигранты либо владеют несколькими профессиями, быстро ориентируясь и откликаясь на требования российского рынка труда; либо готовы приобрести новую квалификацию и поэтому согласны на любую работу, рассчитывая быстро ее освоить.

Оценивая гибкость, адаптивность и профессиональную мобильность мигрантов, мы нашли, что около 40 процентов готовы коренным образом сменить род деятельности и согласны на любую работу, включая смену профессии и сферы занятости. Ровно столько же тех, кто сообщили, что будут работать согласно своей квалификации и не планируют менять профессию. Свыше 10 процентов заявили, что согласны работать за меньшую, чем раньше, зарплату, и лишь немногие согласны на худшие условия труда.

Трудоустройство в период кризиса по-прежнему осуществляется в основном через мигрантские сети — через родственников, друзей, знакомых. Особую роль здесь играют точки скопления мигрантов, такие, как строительные рынки, стройконторы.

В поисках помощи мигранты также собираются обращаться к сетям. Свыше половины респондентов сообщили, что в случае необходимости они обратятся за помощью к друзьям.

Однако, в отличие от материалов предыдущих опросов, заметно возросла доля тех, кто надеется только на себя.

Отвечая на вопрос о том, на какие средства будет жить семья после отъезда мигранта, респонденты указали, что больше всего надеются на семейное производство продуктов питания (натуральное хозяйство). Только чуть менее 20 процентов опрошенных сказали, что основным источником доходов будет заработок других членов семьи. Свыше трети респондентов сообщили, что оставили семье средства на первое время. Причем более половины из них заняли эти деньги. Некоторая часть рассчитывает на помощь семье со стороны родственников.

Самая большая группа мигрантов — треть — хотела бы получить гражданство России только для себя, оставив семью на родине. Это связано с ужесточением миграционных правил в России после начала кризиса. С начала 2009 года ФМС России выдает иностранцам разрешения на работу только на три месяца. Протекционистская политика на российском рынке труда заставляет работодателей отказываться от приема на работу иностранцев. Поэтому многие хотели бы получить российское гражданство, чтобы работать без помех. Более четверти людей, с которыми мы беседовали, хотели бы переехать с семьей на постоянное место жительства в Россию. Примерно столько же, но чуть меньше мигрантов отказываются от эмиграции со сменой гражданства.

Основным мотивом желаемого переезда и смены гражданства является безработица в Таджикистане и возможность получить работу в России. В гораздо меньшей степени привлекают более широкие возможности, лучшее развитие в России, нежели в Таджикистане.

Сравнение занятости “возвращенцев” и отправляющихся мигрантов показывает, что мигранты очень динамично реагируют на изменение ситуации на российском рынке труда: более чем в два раза сократилось число людей, которые собираются работать в строительстве, и в три раза увеличилось число людей, которые будут работать в общественном питании. Но самое главное, более трети отправляющихся мигрантов согласны на любую работу.

Еще более разительной является разница между возвращающимися и отправляющимися мигрантами по уровню доходов. “Возвращенцы” значительно более богаты, чем те, кто поехал работать в Россию в разгар кризиса: среди отъезжающих мигрантов в три раза меньше людей с высокими доходами и почти в четыре раза больше людей с очень низкими доходами, чем среди “возвращенцев”. Поэтому можно сделать вывод, что в кризисное время на заработки едут опытные мигранты с большим профессиональным и житейским опытом, с обширными связями в мигрантских сетях. Кроме того, подавляющее большинство — члены мигрантских домохозяйств,

потерявших доходы и сбережения в ходе кризиса. Таким образом, в пик кризиса продолжают мигрировать “профессиональные” мигранты, полностью зависящие от мигрантских доходов.

Оперативный ответ на кризис

Несмотря на апокалипсические прогнозы аналитиков, связанные с сокращением переводов и массовым возвращением мигрантов, худшего для Таджикистана сценария развития — обнищания населения и усиления социальной напряженности — пока удалось избежать. Во многом это произошло благодаря особенностям экономики мигрантских домохозяйств, мерам правительства Таджикистана по либерализации сельского хозяйства в кризисный период, а также благоприятным погодным условиям в 2009 году.

По предварительным подсчетам, в результате кризиса, в том числе сокращения переводов, уровень бедности в Таджикистане повысился только на 4 процента. Не вдаваясь в рассуждения об индикаторах уровня бедности и о качестве статистики, хотелось бы отметить, что важную роль в поддержании благосостояния населения Таджикистана в кризисный период сыграла трансграничная экономика мигрантских домохозяйств, которая включает как зарубежную работу членов домохозяйств, так и их участие в семейном сельском хозяйстве, преимущественно в производстве продовольствия для собственного потребления. Она позволила мигрантским домохозяйствам гибко и оперативно ответить на кризис, перенаправив усилия своих членов с зарубежных заработков на семейные наделы и арендованную землю.

Впервые за всю историю Таджикистана в 2009 году был собран рекордный урожай зерновых культур — более 1 миллиона тонн, 70 процентов из которых составила пшеница.

Рост производства продовольствия в Таджикистане был вызван не только благоприятными погодными условиями и усердием таджикских дехкан, в том числе и вернувшихся мигрантов. Падение в ходе кризиса мировых цен на хлопок привело к отказу от ставшей невыгодной культуры и освобождению от “хлопковой” повинности таджикских дехкан, которые заняли освободившиеся поливные земли продовольственными культурами. Кроме того, ослабление в ходе кризиса курса национальной валюты (сомони) способствовало сокращению импорта дешевых китайских товаров и продовольствия. Переводы от мигрантов, хотя и меньших размеров, были потрачены не на финансирование импорта, как в докризисное время, а на финансирование собственного сельхозпроизводства. В результате в Таджикистане смогли собрать невиданный урожай зерновых и других продовольственных культур, а также увеличить поголовье скота и птицы, что помогло компенсировать сокращение переводов.

Сравнивая различные группы таджикских мигрантов: тех, кто остается в России, тех, кто вернулся в ходе кризиса, и тех, кто в кризисный период едет на работу за рубеж, можно видеть, что самая

заметная разница между ними — в стратегиях миграции и возвращения. Наиболее активные мигранты меняют регион вселения, ищут возможности трудоустройства в других странах (США, ЕС, ОАЭ и т.д.), учатся новым профессиям. В ходе кризиса отсеиваются неуспешные мигранты, в основном малоквалифицированная молодежь, которая остается в Таджикистане без работы и доходов. Опытные квалифицированные и менее притязательные мигранты работают в России, несмотря на ухудшение условий труда и жизни.

В то же время индивидуальные мигрантские стратегии являются частью стратегий мигрантских домохозяйств, которые гибко реагируют на кризис, вырабатывая наиболее эффективный способ реагирования на неблагоприятные обстоятельства. Трансграничная экономика мигрантских домохозяйств помогает всему обществу справиться с последствиями кризиса. Поэтому адаптация к кризису происходит и на уровне отдельных мигрантов, и на уровне домохозяйств, и на уровне всего общественного организма государства, столь глубоко вовлеченного в международную миграцию, как Таджикистан.